

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт 2026. № 3 (41).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 3 (41), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-178-190>
<https://elibrary.ru/RJEURE>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (41), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Неожиданные случаи обратного перевода в XVII–XVIII вв.: «туда и обратно»

© 2026, С.И. Николаев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье дается обзор трех случаев обратного перевода: с русского на польский и обратно на русский; с польского на русский и обратно на польский; с латыни на русский и обратно на латынь. Причины обратного перевода всегда разные. В случае «Жития Меркурия Смоленского» — это было символическое возвращение жития покровителя города после того, как поляки захватили Смоленск и перевели на польский язык житие покровителя города, а потом город был отвоеван. В случае «Легенды об астрологе Мустаэддине» — это была политическая пропаганда, соответствующая текущей политической повестке (постоянные войны с Турцией и поиски союзников), причем в данном переводимом оригинале всякие следы польского происхождения были просто стерты. С обратным переводом элегии Стефана Яворского окончательной ясности пока нет. В 1729 г. английский пастор Томас Консетт вернулся в Англию из России и опубликовал в своей книге «Элегию к библиотеке» Стефана Яворского в анонимном русском переводе и в своем обратном переводе на латинский язык. Представляется, что эти примеры приоткрывают еще одну сторону литературных взаимосвязей. И взаимосвязи выглядят несколько (если не сказать значительно) сложнее. А при всей сложности политических и культурных раскладов взаимодействие культур оказывается богаче обычных представлений. В таком взаимодействии один и тот же текст в разных своих обликах увеличивает пространство своего воздействия, пусть даже эти облики могут сильно отличаться. Вот это пространство и нуждается в целокупном изучении, а не только отдельных этапов жизни конкретного произведения.

Ключевые слова: «Житие Меркурия Смоленского», «Легенда об астрологе Мустаэддине», литературные взаимосвязи, перевод, обратный перевод

Информация об авторе: Сергей Иванович Николаев — доктор филологических наук, академик РАН, главный научный сотрудник, Институт русской

литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-0900-9226>

E-mail: irliran@mail.ru

Для цитирования: Николаев С.И. Неожиданные случаи обратного перевода в XVII–XVIII вв.: «туда и обратно» // Литературный факт. 2026. № 3 (41). С. 178–190. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-178-190>

А.В. Михайлов в свое время справедливо заметил, что «история культуры несомненно должна будет выработать еще более тонкие приемы работы с текстами самого разного рода; главный метод истории культуры как науки — это обратный перевод постольку, поскольку вся история заключается в том, что разные культурные явления беспрестанно переводятся на иные, первоначально чуждые им культурные языки, часто с предельным переосмыслением их содержания» [3, с. 16]. Но иногда обратный перевод художественных произведений является таковым в самом прямом смысле слова. И в ряде случаев можно наглядно убедиться, как идея первоначального текста была изменена и иногда решительно, вплоть до полного исчезновения «родимых пятен» оригинала.

Рассматриваемые далее произведения относятся к разным жанрам — житие, политический памфлет, элегия. Речь пойдет о разных языках (русский, польский, латинский) и литературах (русская, польская, английская). Можно полагать, что метод «туда и обратно» не имеет одной и четко обозначенной привязки к определенной хронологической и литературной ситуации.

Первый эпизод относится к XVII в. Среди нескольких редакций жития небесного покровителя Смоленска, св. Меркурия Смоленского, сохранилась так называемая Западнорусская редакция, известная сейчас в 4 списках [5, с. 82–97]¹. В конце пространного названия читается фраза, ставившая в тупик многих исследователей: «Исписана бо прежде сия вещь словенским языком, таже из словенска языка преложена на польский язык, а ныне же паки ис польскаго на словенский». В других списках даже добавлена дата этого необычного перевода: «на славенский язык преложено в лето 7164 [1656]».

Можно предложить следующее объяснение. В 1611 г. войска Речи Посполитой захватили Смоленск и признали св. Меркурия Смоленского небесным покровителем города. Одним из оснований этого шага было и то, что св. Меркурий по своему происхождению

¹ См. также: Белецкий Л. Т. Литературная история «Повести о Меркурии Смоленском»: Исследования и тексты. Пг.: Рос. гос. академическая тип., 1922. С. 12–20.

был римлянин. По этой причине Свирская церковь стала католическим храмом, а житие св. Меркурия было переведено на польский язык с необходимыми и неизбежными по политическим соображениям поправками. В 1654 г. Смоленск был отвоеван и возвращен под власть Московского государства, и произошел обратный процесс: церковь опять была переосвящена, и в ней продолжились православные богослужения, а житие св. Меркурия переведено с польского языка на церковнославянский. Понятно, что никакой практической надобности в таком переводе не было, поскольку исходный церковнославянский был хорошо известен, но это был очень важный, пусть и символический, акт для политической мифологии города.

Академик А.И. Соболевский учел этот обратный перевод в своей знаменитой книге «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиографические материалы» и снабдил пометкой «Польский текст нам неизвестен»². В дальнейшем никаких успехов в поисках польского перевода не было. Можно даже полагать, что они и не предпринимались, поскольку о таковых поисках упоминаний нет. Сомневаясь в самой возможности существования обратного перевода, исследователи пытались найти подходящие объяснения, начиная от предположения, что текст был просто записан латиницей, и вплоть до полного сомнения в существовании такого перевода вообще, последнее высказано относительно недавно (см.: [6]).

Однако, житие св. Меркурия Смоленского в Польше переводили и неоднократно публиковали. Самая ранняя публикация жития Меркурия Смоленского отыскивается в изданной на латинском языке в Вильне в 1650 г. книге «Разные события, относящихся к состоянию церкви в Великом Княжестве Литовском»³. Житие здесь очень краткое, как и все остальные жития в этой книге, однако ряд деталей не вызывает сомнений, что эта версия восходит к переводу жития Меркурия Смоленского с церковнославянского языка. В 1662 г. житие было опубликовано уже на польском языке под названием “*Żywot pobożnego Merkuriusza, Żołnierza i Męczennika*”⁴. В конце этого жития важнейшая для нашего разыскания приписка на латыни: “*Ex lingua Sclauonica manuscripta Smolenscii*”, т. е. «Со славянского языка записано в Смоленске». Конечно, все оказывается не так

² Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические мат. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. С. 218.

³ См.: *Kojalowicz-Wijuk W.* Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Lituaniae Ducatu pertinentium. Vilnae: Typis academicis, 1650. S. 6–7.

⁴ См.: *Pruszcz P.H.* Forteca duchowna Królestwa Polskiego. Kraków: w drvk. dziedzicow Stanisława Lenczewskiego Bertvt., 1662. S. 75–76. См. современное переиздание этой польской версии жития: [4, с. 145].

просто, поскольку обратный перевод на русский язык был выполнен, согласно датировке в русских рукописях, в 1656 г., а вот книга «Духовная крепость Польского Королевства» Петра Гиацинта Пруща, в которой напечатано житие св. Меркурия, вышла в 1662 г., более ранней публикации или рукописи пока найти не удалось. К тому же житие в этой книге по объему примерно раз в пять меньше русского перевода с польского, выполненного в 1656 г. Это показывает, в частности, что была и более полная версия перевода жития на польский язык.

В обратном переводе с польского языка имеется одно существенное отличие от других русских редакций. В других русских редакциях нет упоминаний о татарах. В первоначальном русском житии Меркурий сражается с «печенегами», «злыми варварами», «погаными иноплеменными силами», «агарянскими внуцами» (см.: [5, с. 30–34]). А в версиях жития на польском и латыни и, соответственно, в Смоленской редакции, т. е. в переводе с польского, св. Меркурий сражается только с татарами. Таким образом, получается, что «римлянин, усыновленный польским народом», приехал на эти земли и ведет вместе с другими христианскими властителями борьбу с татарами. Нет сомнений, что это не просто перевод, но и существенная переакцентуация хода событий, пусть на первый взгляд и не очень заметная.

Хотя житие св. Меркурия Смоленского было переведено обратно на русский язык в 1656 г., поляки с литовцами не отказались от небесного покровительства св. Меркурия Смоленского. В 1717 г. в виленской иезуитской коллегии была поставлена посвященная св. Меркурию аллегорическая школьная драма в трех актах, а в 1720 г. в варшавской иезуитской коллегии была поставлена школьная пьеса на ту же тему. В 1737 г. в Кракове была переиздана книга Пруща под несколько измененным названием «Духовная крепость монархов и всего Польского Королевства», и в ней тоже есть житие св. Меркурия⁵. В 1767 г. в Кракове вышла еще одно собрание житий — «Польша мать святых» Флориана Ярошевича, в которой на 10 июля помещено житие св. Меркурия, перепечатанное из книги Пруща по изданию 1662 г., с точной ссылкой⁶. Однако само житие воспроизведено не вполне точно. В книге Пруща говорится, что рыцарь Меркурий «приехал в русские земли» (“przyjechał do ruskich

⁵ См.: *Pruszc P.H.* Forteca monarchów i całego Królestwa Polskiego duchowna... powtórnie z additamentami swemi... do druku podana. Kraków: Drukarnia Akademicka, 1737. S. 97–98.

⁶ См.: *Jaroszewicz F.* Matka świętych polska. Kraków: Drukarnia Stanisława Stachiewicza, 1767. S. 342.

krajów”), а в книге Ярошевича сказано, что св. Меркурий «приехав в Польшу, жил в ней до самой смерти» (“przyjechawszy do Polski w niej się zamieszkał aż do śmierci”). Таким образом, в книге Ярошевича закрепляется представление о том, что св. Меркурий Смоленский был и остается именно польским святым, сражавшимся с татарами.

После 1858 г. в Кракове вышло издание «Перечень польских святых и благословенных покровителей»⁷. В 1862 и 1936 гг. оно было перепечатано под названием «Перечень польских святых»⁸. В этих книжечках оказалось и житие св. Меркурия, сопровождаемое его изображением. Нужно подчеркнуть еще одну деталь. Символ «усеченная голова» и мотив «хождение с усеченной головой в руках» были известны древнерусской словесности, и св. Меркурий Смоленский стал самым известным ацефалом и кефалофором, что отражено как в древнерусском житии, так и в известной нам польской версии. Но в польских изданиях XIX–XX вв. этот мотив опущен, а в иллюстрациях к этим изданиям Меркурий изображен сражающимся воином. Возможно, образ ацефала, грядущего со своей головой в руках, мог восприниматься как излишне макабрический.

Наконец, стоит отметить, что в 1918 г. польский писатель Ярослав Ивашкевич написал «Легенду о святом Меркурии Смоленском» (“Legenda o świętym Merkurym Smoleńskim”), которая была издана в 1921 г.⁹. Агиографическая стилизация Ивашкевича, выполненная ритмической прозой, несет несомненные следы влияния русского акмеизма. А в 1926 г. проживавший в Польше русский эмигрант С.Ю. Кулаковский в приложении к издававшемуся в Варшаве «еже-недельному церковно-народному иллюстрированному журналу» «Воскресное чтение» опубликовал небольшую книжечку «Сказание о Меркурии Смоленском в обработке Ярослава Ивашкевича»¹⁰. Поразительно, как точно повторилась история с житием Меркурия Смоленского, случившаяся в середине XVII в.

Итак, на протяжении трех столетий житие св. Меркурия Смоленского или его обработки постоянно находилось в сфере обратного перевода. И хотя речь шла об одном и том же тексте, каждая новая

⁷ См.: *Poczet świętych i błogosławionych patronów polskich*. Kraków: Wydawnictwo Dziel Katolickich, [post 1858]. [106] s. В издании отсутствует пагинация.

⁸ См.: *Poczet świętych polskich*. Kraków: Wydawnictwo dzieł katolickich, 1862. [62] k.; *Poczet świętych polskich*. Warszawa: Czcieli Świętych Polskich, 1936. 127 s. В издании отсутствует пагинация.

⁹ См.: *Iwaskiewicz J. Legendy i Demetr*. Warszawa: Towarzystwo wydawnicze “Ignis”, 1921. S. 9–17.

¹⁰ См.: *Кулаковский С. Сказание о Меркурии Смоленском в обработке Ярослава Ивашкевича*. [Warszawa: Drukarnia Synodalna]: Изд. «Воскресного Чтения», 1926. 16 с.

версия в своей инонациональной и иноязычной версии неизменно вносила новые акценты, политические или религиозные.

Следующий эпизод обратного перевода опять связан с Польшей. В 1670-х гг. в Посольском приказе был выполнен перевод небольшой польской политической брошюры или памфлета конца XVI в. под следующим названием в переводе: «Выпись из подлинной книжицы нарицаемые Лига з зацепкою кола посолского общего народу Коруны полские и Великого княжества Литовского творцем Христофором Дамином, странствующим полским». Оригинал — *Liga z zawadą Koła Poselskiego spólnego narodu K.P. i W.X.Lit. Authore Christophino Daminaco Peregrino Polono*. [Kraków], 1596. Автор — Дзержек Кшиштоф (Dzierżek Krzysztof; ум. после 1610). В год выхода оригинала состоялся сейм, на котором обсуждалось присоединение Речи Посполитой к Священной лиге для борьбы с Турцией, на чем настаивал папа римский Климент VIII. В этой книжечке оказалась и легенда о персидском астрологе Муста-Эддине, который предсказал гибель Османской империи, если турки нарушат мирный договор с Польшей.

Перевод появился как раз при обострении отношений с Турцией, его название: «Предсказание о падении Турецкого царства аравийским звездословом Муста-Эддыном». В переводе сразу появилась переакцентуация, продиктованная международной политической ситуацией. Фразу “*żadnego się barzej nie boją jako narodu polskiego*” все русские списки передают следующим образом: «ниже коего зеленее бояться, якоже московского народа и польского», а фразу: “*skąd mu to przychodziło, że też nigdy nie nacierał na Polskę*” передают так: «откуда ему сие приходило, что польский народ некогда с московским полунощным совокупитися имать, и того ради на Польшу не наступал». Таким образом, в русском переводе к польскому народу сразу добавляется русский народ. В данном случае нет сомнений, что эти и подобные им вставки продиктованы сиюминутной политической ситуацией.

Поскольку на протяжении XVII–XIX вв. отношения России с Турцией постоянно были напряженными, то и перевод XVII в. оказался к месту и был востребован. Уже в XVIII в. он был напечатан («Предсказание о падении Турецкого царства аравийским звездословом Муста-Эддыном», 1789), а затем неоднократно перепечатывался (1828, 1830, 1854), иногда несколько раз в один год (см: [7; 8]). Разумеется, с течением времени язык предсказания все

больше русифицировался и произведение все больше отражало текущую международную ситуацию.

И именно эта последняя редакция, более десяти раз перепечатанная в 1828–1830-х гг., была переведена на польский язык и напечатана в Вильно в 1828 г. вместе с другими пророчествами о падении Османской империи. На титульном листе сказано, что это перевод с русского языка¹¹.

Итак, в польском оригинале XVI в. — Турции не надо связываться с северным народом поляками. В русском переводе XVII в. — Турции не надо связываться с северными народами поляками и московитами. В переиздании XIX в. и обратном переводе на польский язык — Турции не надо связываться с северным народом, в данном случае с русскими.

Виленское издание 1828 г. было инспирировано и профинансировано Россией, но, видимо, не нашло особых поклонников в Польше, поскольку поляки в первой половине XIX в., в отличие от XVI и XVII вв., считало турков скорее своими союзниками в борьбе с Россией, поскольку Турция не признавала разделы Польши.

Следующий пример обратного перевода связан только с художественной литературой и не имеет никакого отношения к политике — «Элегия к библиотеке» Стефана Яворского в обратном переводе Томаса Консетта. Элегию, в которой Стефан Яворский прощается со своей библиотекой (*“Possessoris horum librorum luctuosum libris vale”*, 1721), можно без преувеличения назвать самым знаменитым латинским стихотворением, когда-либо написанным в России. О широкой популярности элегии говорит обилие ее русских переложений, прозаических и стихотворных (четыре только в XVIII в.), появившихся еще до публикации оригинала в 1744 г.: самое раннее из них, которым мы займемся ниже, датируется 1722 или началом 1723 гг., т. е. сразу после кончины Стефана Яворского. Кроме того, известный эрудит и богослов, архиепископ Славянский и Херсонский Евгений Булгарис (1716–1806) перевел элегию Стефана на древнегреческий; в первой половине XVIII в. она включалась в школьные курсы поэтики и т. д. [2, с. 121–128]¹².

Вернувшись в Лондон после десятилетнего пребывания в России, Томас Консетт выпустил двухтомный труд «Современное состояние

¹¹ См.: *Zbiór przepowiedzeń o upadku tureckiego Państwa. Przekład z rosyjskiego*. Wilno: w Drukarni B. Neumana, 1828. 41 s.

¹² См. также: *Маслов С.И.* Библиотека Стефана Яворского. Киев: Тип. М.Т. Мейнандера, 1914. 170 с.

и установления русской церкви» (1729), содержание которого много шире заглавия: к примеру, в книгу включен английский перевод целого ряда документов, касающихся гражданской и церковной истории петровской и послепетровской России — «Духовного регламента», «Морского устава», речей Гавриила Бужинского и Феофана Прокоповича (с которым Консетт познакомился лично, а затем вел с ним переписку) и т. п.¹³

Консетт (дважды) обращается к фигуре Стефана Яворского в приложении к книге: там помещены параллельно анонимный русский подстрочный перевод «Элегии к библиотеке», известный по ряду списков. (Консетт добросовестно транслитерирует его латиницей), и собственное переложение Консетта, выполненное латинскими дистихами, с пометой: «Переведено мной в Москве в феврале 1723 г.». Таким образом, перед нами по-своему поразительный случай обратного перевода латинского стихотворения с русского подстрочника на латынь — тем же размером и в рамках той же поэтической традиции; при этом целый ряд стихов и отдельных выражений у Консетта и в оригинале Стефана совпадают дословно.

Что побудило Консетта исполнить это странное литературное упражнение? П.Н. Берков ответил на этот вопрос так: Консетт, очевидно, даже не подозревал, что элегия Стефана «написана по-латыни и что в его распоряжении находится не оригинал, а перевод»; совпадения же «никак не могут быть признаны доказательством того, что английскому переводчику был известен и латинский оригинал Стефана Яворского»: они представляют собой стандартные клише латинской версификации, усвоенные обоими поэтами независимо друг от друга на школьной скамье, и объясняются, с одной стороны, точностью подстрочника, а с другой — «счастливой случайностью: в обоих случаях и порядок слов, и правила латинской метрики сами подсказывали такое, а не иное оформление стиха»¹⁴.

Не подлежит сомнению, что стихи Консетта действительно представляют собой перевод русского подстрочника, а не «отредактированную» версию латинской элегии Стефана. В этом убеждают, во-первых, те случаи, когда Консетт обнаруживает, как кажется,

¹³ На необычный случай рецепции «Элегии к библиотеке» обратил внимание в 1962 г. П.Н. Берков. Исследуя русско-английские литературные связи первой четверти XVIII в., Берков ввел в научный оборот книгу Томаса Консетта (1677–1730) “The Present State and Regulations of the Church of Russia” (Лондон, 1729).

¹⁴ Берков П.Н. Томас Консетт, капеллан английской фактории в России: К истории русско-английских связей в 1720-е годы // Проблемы международных литературных связей [Сб. ст. / отв. ред. проф. Б.Г. Реизов]. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. С. 9–10.

неверное понимание русского текста. Это показала Т.Б. Аверина в статье об этом переводе [1, с. 313–325].

Некоторые совпадения в стихах Стефана и Консетта действительно связаны с независимым воспроизведением латинских поэтических формул: здесь интуиция П.Н. Беркова, не приводящего конкретных источников и, по-видимому, не искавшего их, оказалась безошибочной. 11 строк (более четверти всего текста!) идентичны целиком или почти целиком.

По мнению Т.Б. Авериной, Консетт мог познакомиться с латинской элегией Стефана и при чтении запомнить отдельные ее строки (характерно, что большинство совпадений сконцентрировано в начале текста или в кульминационных местах). Затем он якобы утратил рукопись из поля зрения, зато сумел раздобыть анонимную русскую версию, также ходившую в списках; именно ее Консетт переложил латинскими стихами, что-то восстанавливая по памяти, а остальное свободно переводя.

Таким образом, Т.Б. Аверина исходит из того, что Консетт не знал о существовании латинского оригинала элегии Стефана Яворского. Тогда не очень понятно, почему в книге на английском Консетт печатает свой перевод на латинском языке. Либо он опознал в русском подстрочном переводе строй латинской поэзии, либо он слышал о том, что оригинал был написан на латыни.

В августе 1721 г. Яворский, обладавший одной из лучших библиотек того времени, составил каталог своих книг для передачи Нежинскому Благовещенскому монастырю, которому предпослал написанную на латыни элегию к библиотеке¹⁵. В XVIII в. элегия неоднократно переводилась на русский язык прозой и стихами (силлабическими и силлабо-тоническими). Вот несколько строк начала элегии в анонимном силлабическом переводе, который был выполнен до 1728 г.:

Книги, мною многажды носимы, грядите,
Свет очию моею, от мене идите!
Идите благосчастно, иных насыщайте,
Сот ваш уже прочиим ныне искапайте!
Увы мне! око мое от вас устраниено,
Ниже вами может быть к тому насыщено.
Паче меда и сота вы мне сладши бесте,
С вами жить сладко бяше, горе, яко несте.

¹⁵ См.: *Prokopowicz T. Miscellanea sacra. Vratislaviae: cvra Iohannis Iacobi Kornii, 1744. P. 216–217.*

Вы богатство, вы слава бесте мне велика,
Вы — рай, любви радость и сладость колика.
Вы мене прославили, вы меня просветили,
Вы мне у лиц высоких милость приобрели.

Итак, мы провели обзор трех случаев обратного перевода: с русского на польский и обратно на русский, с польского на русский и обратно на польский, с латыни на русский и обратно на латынь. Причины обратного перевода всегда разные. В случае жития Меркурия Смоленского — символическое возвращение жития покровителя города с безусловным политическим контекстом. В случае предсказания астролога Мустаэддина — политическая пропаганда, соответствующая сегодняшней политической повестке (война с Турцией), причем в переводимой редакции русского текста всякие следы польского происхождения оказались напрочь стертые. С обратным переводом элегии Стефана Яворского до конца ясности пока нет. Но сам перевод превосходного стихотворения выполнен превосходно. И никакая переакцентуация оригинала здесь не прослеживается. Переводчик, Томас Консетт, просто был восхищен произведением Стефана Яворского.

Представляется, что приведенные примеры приоткрывают еще одну сторону литературных взаимосвязей. И взаимосвязи выглядят несколько (если не сказать — значительно) сложнее. А при всей сложности постоянно меняющихся политических раскладов и культурных интересов взаимодействие культур оказывается богаче обычных представлений. Вероятно, не только в русской и польской, но и в других европейских литературах могли быть случаи подобных обратных переводов.

В таком взаимодействии один и тот же текст в разных своих языковых обликах увеличивает пространство своего воздействия, пусть даже эти облики и могут сильно отличаться. Вот это пространство и нуждается в целомом изучении, а не только отдельные этапы жизни конкретного произведения.

Литература

1. *Аверина Т.Б.* С латыни на латынь: «Элегия к библиотеке» Стефана Яворского в обратном переводе Томаса Консетта // Древний мир и мы. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Дмитрий Буланин, 2012. Вып. 4. С. 313–325.

2. *Либушкин Д.Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории: XVII — первая половина XVIII века. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2000. 278 с.

3. Михайлов А.В. Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000. 852 с.
4. Николаев С.И. Житие Меркурия Смоленского: с русского на польский и обратно // Русская литература. 2024. № 1. С. 139–145.
5. Рамазанова Н.В. Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 392 с.
6. Стороженко Э.А. К вопросу о Смоленском (Западнорусском) варианте повествования о св. мч. Меркурии Смоленском // Культура как текст. М.; Смоленск: Универсум, 2008. Вып. 8. С. 480–483.
7. Malek E. Легенда об астрологе Мустаеддыне Кшиштофа Дзержека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов). Warszawa: Bel Studio, 2019. 266 s.
8. Malek E. Z Polski do Moskwy i z powrotem, czyli niezwykle losy legendy o Mustaeddyne Krzysztofa Dzierżka // Nowoczesność i tradycja. 50 lat wrocławskiego Instytutu Filologii Słowiańskiej. Wrocław: Wrocławskie Wydawnictwo Uniwersyteckie, 2019. S. 11–25.

Research Article

Unexpected Cases of Reverse Translation in the 17th–18th Centuries: “Back and Forth”

Sergey I. Nikolaev

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article provides an overview of three cases of back translation: from Russian to Polish and back to Russian; from Polish to Russian and back to Polish; and from Latin to Russian and back to Latin. The reasons for back translation are always different. In the case of the Life of Mercurius of Smolensk, it was a symbolic return of the life of the patron saint of the city after the Poles captured Smolensk and translated the life of the city's patron saint into Polish, and then the city was recaptured. In the case of the Legend of the Astrologer Mustaeddin, it was political propaganda that aligned with the current political agenda (constant wars with Turkey and the search for allies), and in this translated original, any traces of Polish origin were simply erased. The reverse translation of Stefan Javorski's elegy remains unclear. In 1729, the English pastor Thomas Consett returned to England from Russia and published in his book Stefan Yavorsky's "Elegy for the Library," which included an anonymous Russian translation and Consett's own reverse translation into Latin. It seems that these examples reveal another aspect of literary connections. The connections are somewhat (if not significantly) more complex. Despite the complexity of political and cultural dynamics, the interaction of cultures is richer than commonly

understood. In such a relationship, the same text in its various guises expands the space of its influence, even if these guises may differ greatly. This space requires a comprehensive study, rather than focusing solely on the individual stages of a particular work's life.

Keywords: Life of Mercurius of Smolensk, Legend of the Astrologer Mustaeddin, literary relationships, translation, back translation

Information about the author: Sergey I. Nikolaev, Academician of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Director of Research, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-0900-9226>

E-mail: irliran@mail.ru

For citation: Nikolaev, S.I. “Unexpected Cases of Reverse Translation in the 17th–18th Centuries: ‘Back and Forth’.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (41), 2026, pp. 178–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-178-190>

References

1. Averina, T.B. “S latyni na latyn’: ‘Elegiia k biblioteke’ Stefana Iavorsko-gu v obratnom perevode Tomasa Konsetta” [“From Latin to Latin: ‘Elegy for the Library’ by Stefan Javorski, Back-Translated into Latin by Thomas Consett”]. *Drevnii mir i my* [The Ancient World and Us], vol. 4. St. Petersburg, Biblioteka classica Petropolitana Publ., Dmitrii Bulanin Publ., 2012, pp. 313–325. (In Russ.)
2. Liburkin, D.L. *Russkaia novolatinskaia poeziia: materialy k istorii: XVII — pervaiia polovina XVIII veka* [Russian Neo-Latin Poetry: Materials for History: 17th — First Half of the 18th Century]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2000. 278 p. (In Russ.)
3. Mikhailov, A.V. *Obratnyi perevod* [Reverse Translation], Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 2000. 852 p. (In Russ.)
4. Nikolaev, S.I. “Zhitie Merkuriia Smolenskogo: s russkogo na pol’skii i obratno” [“The Life of Mercurius of Smolensk: from Russian to Polish and Back”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2024, pp. 139–145. (In Russ.)
5. Ramazanov, N.V. *Sviatye russkie rimliane: Antonii Rimlianin i Merkurii Smolenskii* [Holy Russian Romans: Anthony the Roman and Mercury of Smolensk]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005. 392 p. (In Russ.)
6. Storozhenko, E.A. “K voprosu o Smolenskom (Zapadnorusskom) variante povestvovaniia o sv. mch. Merkuriu Smolenskom” [“On the Smolensk (West Russian) Version of the Story of St. Mercurius of Smolensk”]. *Kul’tura kak tekst* [Culture as a Text], vol. 8. Moscow, Smolensk, Universum Publ., 2008, pp. 480–483. (In Russ.)
7. Małek, E. *Legenda ob astrologe Mustaedyne Kshishtofa Dzerzheka v drevnerusskom perevode i ee pozdneishie obrabotki (issledovanie i izdanie tekstov)* [The Legend of the Astrologer Mustaeddin by Krzysztof Dzierzek in the Old Russian Translation and Its Later Adaptations (Research and Publication of Texts)]. Warszawa, Bel Studio Publ., 2019. 266 p. (In Russ.)

8. Małek, E. “Z Polski do Moskwy i z powrotem, czyli niezwykle losy legendy o Mustaeddynie Krzysztofa Dzierżka.” *Nowoczesność i tradycja. 50 lat wrocławskiego Instytutu Filologii Słowiańskiej*. Wrocław, Wrocławskie Wydawnictwo Uniwersyteckie Publ., 2019, pp. 11–25. (In Polish)

Статья поступила в редакцию: 14.12.2025

Одобрена после рецензирования: 16.06.2026

Дата публикации: 25.09.2026

The article was submitted: 14.12.2025

Approved after reviewing: 16.06.2026

Date of publication: 25.09.2026